

3B e3A2

30p 164.

m/q $\frac{K1}{14107}$

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1922

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

З В Е З Д А

НОВЫЕ СТИХИ

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Р. В. Ц. Петербург.

Гл. 831. Отпечатано 5,000 экз.

85

ХРИСТИАНУ МОРГЕНШТЕРНУ ¹⁾

Старшему брату в Антропософии.

Ты идо мной—немым поэтом
Голубиною глаз блеснул,
И засмеявшись ясным светом,
Символную руку протянул.

В воспоминанье и доныне
Стоишь святыней красоты —
Ты в роковой мессе содник:
У роковой своей черты ²⁾.

Тебя, восставшего из света,
Зовут и печали ледной —
Пережившая планета,
Перегреваемая войной:

¹⁾ «Моргенштерн» значит «Звезда утра».

²⁾ С Христианом Моргенштерном автор познакомился за 2 месяца до его смерти.

В часы возмездия подлавнивший
Свои созвездия над ней,—
В тысячелетья просиявший
Тысячесветием огней,—

Как и тогда, во мне воскресни,
Воспламенясь, ко мне сложи
Свои просвеченные песни
В грозой отмеченные дни.

1918. Москва.

ЗВЕЗДА.

Упал на землю солнца красный круг.
И над землей, стремительно блистая,
Приподнялась зеркальность золотая
И в нитках пелла тлела.
Все вокруг вдруг стало: и — гуманисто; и — серо...

Стеклошно зеленост бирюза,
И яркая заискала слеза —
Алмазная, алмазная Венера.

1911. Ардестейн.

САМОСОЗНАНИЕ.

Мне снились: и море, и горы...
Мне снились...

Далекие хоры
Созвездий
Кружились
В волне мировой...

Порой метеоры
Из высей падали,
Беззвучно
Развеливши пурпурный хвост надо мной.

Проснулся — и те же: и горы,
И море...

И долгие, долгие взоры
Бросаю вокруг.

Все то же... Докучно
Внимаю,
Как плачется бедная

Старинная бедна лазури;
И — огненный, солнечный
Круг.

Мои многолетние боли —
Доколе?..

Чрез жизни, мира, мироздания
За мной пробегает вы?

В надмирных твореньях, —
В паленьях —
Течет бытие... Но — о, Боже! —

Сознание
Все строже, все то же —

Все то же
Сознание
Мое.

1914. Базель.

КАРМА.

Н. А. Григоровой.

I.

Мне грустно... Подожди... Рояль,
Как-будто торопясь и спора,
Протирает окна в даль
Грозой волнуемого моря.

И мне, мелькая мимо, дни
Напоминают пеной сменой,
Что мы — мгновенные огни —
Летим развешенною пеной.

Водушно брызжут лилианты
В далекий берег прежней песней...
И над роялем смотришь ты
Неотразимей и чудесней.

Твои огромные глаза!
Твои холодные объятия!
Но — недабытая гроза
Твое чернеющее платье.

Мы — ровные глубины,
 Глухонемые ураганы, —
 Упали в хлынувшие сны,
 В тысячелетние туманы.

И было бешенство отней
 В водоворотах белой пены.
 И — возмывали бегу дней,
 Существовавший перемены.

Мы были — сумеречной мглой,
 Мы будем — пламенные духи.
 Миров неиспаденный слой
 Живет в моем проросшем слухе.

И знаю я; во мгле миров:
 Ты — длая, лавищая Парка,
 В лесу пугающая сов,
 Меня любящая жарко.

Ты — изливала надо мной
 Свои бормочущие были
 Под фосфорической луной,
 Серая вретисшем из пыли.

Ты, возникшая из углов,
 Тонулась тенью черпорогой,
 Подняв мышиный шорох слов
 Над буквой рукописи строгой.

И я безумствовал в ночи
 С тысячелетнею старухой;
 И вели лушные лучи
 В мое расширенное ухо.

4.

Летучим фосфором палы
 Нам освещают окна дома.
 И вижу молнии из мглы.
 И — морок мраморного грома.

Твое лучистое пальцо
 Блеснет над матовою гаммой;
 И — ночи веют мне в лицо
 Своею черной бриллиантовой.

И — возникают бегущие дни,
 Существующий перемены,
 Как брызги бешеных огней
 В поворотах белой пены.

И знаю я: во мгле миров
 Ты — злая, лиющая Парка,
 В лесу пугающая сов,
 Меня лобзающая жарко.

5.

Приемлю молча жребий свой,
 Покая душою безглагольной
 И моря рокот роковой,
 И жизни подвиг водиевольный.

1917. Целеревка.

СОВРЕМЕННОКАМ.

Туда, во ягду Небытия,
Ты безвременным, мертвым комом
Катилась, мертвая земля,
Над собирающимся громом.

И слово облак обволол
Порядок строя мирового
И прозирающий зрачок,
И прораставшее слово.

Толчками рухнувших Мессии,
Провалом грешной Мартиники
Среди неузнанных руин
Приводьбавлся смысл великий.

Развильи грозные огни
Все бесповойней, все нестройней —
Нечеловеческие дни,
Нечеловеческие боины...

И я к груди земли приник
И познал: в гром землетрясений
Склоняет исполинский лик
Из дней глаголющий нам Гений.

Он — Справедливый Судия —
Мерзая мрачным приговором,
Давно смятенного меня
Опламенил глухим предзором.

И видел так, за громом битв
Восстание Светлого Завета
В воле рыданий и молитв,
И набегивающего Света.

И ныне знаю: морок злой
Нас обуявших ослеплений
Перегорит, как ветхий слой,
И Солнце спустится, как гений, —

И громовая полоса
Огнем палящая гаваницы —
Далекый грохот колес
Золоторзливой колесницы.

1918. Москва.

ВОЙНА.

Разорвалось затишье грозное...
Вдвигает в высь громовый вопль племен.
Закручено все близкое, родное,
Как столб песков в дали иных времен.

А — я, а — я?... Былое без ответа...
Но где оно?... И нет его... Ужель?
Невыразимые, — дозвучат иных земель
Там волны набегавшего света.

1914. Архестейн.

А. М. ПОЦЦО.

Пройдем и мы: медлительным покоем
В полет минут.
Проходит все: часы полвечным боем
Вопрежнему дозвуч.

Страна моя, страна моя родная!
Я — твой, а — твой:
Прими меня, рыцарь... И не знай!
Покрой сырой травой.

Рабулом тех же пламенных закатов
Гори в груди,
Поглявши стан даров и набатов...
Зона Его, — гуди!

Пусть мы — в почве! Пусть — почва бездорожней!
Пусть — сон и сон!..
В покое зорь и в предраассветной дрожи
За ночью — Он!

1916. Дорнах..

А. М. ПОЩО.

И слышишь те медлительные зовы...

И—Ты...

И вот зовут... Ждет, Кто-то, Бирюзовый,
У роковой черты.

И там—в окне—прорезались Вогелы.

И там—в окне—

Отчетливо грохочут митральезы...

Пора—тебе и мне!

И я стою, шепча слова молитвы... *

Судьба—веди!

Ты—в грохоты неутомимой битвы

О, Господи, сойди!

След неба тот же—бледнобирюзовый...

И там—набат!..

Идет—туда: в молитвы, в зори, в зовы,

В гром, в рога гранат.

1916. Дорках.

АСЕ.

Едва венеют огоньки.
Мутнеют склоны, доли, доли.
Висят далекие дымки,
Как безглагольные печали.
Из синей тьмы летит порыв...
Поляны плещут при дороге.
На тучах—глыбах грозовых—
Легуче блещут огнероги.

Невыразимое—нежней...
Неотразимое—упорней...
Невыразимы бегу дней,
Неотразимы смерти корни.

В горючей радости почей
Ключи ее упорней бьются:
В кипучей сладости очей
Мерданьем маревым мигутся.

Благословенны:—жизни ток,
И стылость смерти непреложной,
И—зеленеющий листок,
И—ветхий корень придорожный.

1916. Дарназ.

РАЗВАЛЫ.

Есть в лете что-то роковое, злое...

И — в вое злой зимы...

Волнение, кипение мирное!

Плененные умы!

Все грани чувств, все грани правды стерты:

В мирах, в годах, в часах

Одни тела, тела, тела простерты,

И — прагматичный прах.

В грядущее проходим — строй за строем —

Рабы: без чувств, без душ...

Грядущее, как прошлое покроем,

Лишь грудой туш.

В матах миров, — в немаревные муш.

Когда-то спасший нас, —

Простри ж и Ты измученные руки. —

В который раз.

1946. Москва.

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ.

Случится то, чего не чаешь...

Ты предо мною вырастаешь —
В старинном, черном сюртуке,
Среди старых кресел и диванов,
С тисовым томиком в руке:
Прозрачность, Вячеслав Иванов.

Моргает мне зеленый глаз, —
Летают фейерверки «раз
Гортанной, влачущею гаммой:
Клонясь рассеянным лицом,
Играешь матовым кольцом
С огромной, ясной пентаграммой.

Нам подают китайский чай,
Мы оба кушаем печенье;
И — вспоминаем незначай
Людей великих изречения;
Летают звуки звонких слов,
Во мне рождая умиленье,
Как доз искроуливых росов,
Как тошное, петушье веенье.

Ты мне давно, давно знаком —
(Знаком, быть может, до рожденья) —
Литарио-розовым лицом,
Власы колеблющим перстом
И — длиннонолым сюртуком
(Добычей, вероятно, мам) —
Знаком до ужаса, до боли!

Знаком большим безбровым лбом
В золотокосном ореоле.

1916. Москва.

АСЕ.

В безгневном сне, в гнетуще-грустной неге
Растворена так страшно страсть моя...
Пробьет прибой на белопенном берегу,
Шлеснет в утес соленая струя.

Вот небеса; напоясь, как слезами,
Благоуханным блеском вчеров,
Блаженными блистают бирюзами
И—маревом моргающих миров.

И снова в ночь чернеют мне чинары.
И прошлым своим страданье утолю:
Сицилия... И—страстные гитары...
Палермо, Монреаль... Ралес...
Люблю!..

1917. Дельяново.

ШУТКА.

В
Долше
Когда-то
Мечтательно

Перед
Вами
И,—

Старый
Дурак,—

Нерывал
На
Мандалине.

Вид—
Внимали
Старательно.

И—
—Стародавний Золоток.

Как-то
Избили
И
Выгнали
Мени
Из
Цирка
В
Лохмотьях
И
В
Крош,
Вопиющего—

—О Боге!
—Боге!
—Боге!

И
О—

—Вселенской любви.

Вы
Случайно
Встретили
Помощего
Паяца—

Постояли,
Послушали
Пенне.

Вы —
Отметили

Дурацкий
Болтук.

Вы —
Сказали
Внимательно:

— «Это —

«Путь

«Посвящения»...»

Вы —
Мечтательно
Устащались

В —
— Золтук.

1915. Дорнах.

ТЕЛА.

На вас тела, как ключья песни светлой...
В небытие
Свисает где-то мертвенной планетой
Все существо мое.

В слепых очах, в глухорожденном слухе—
Кричат тела.
Беспламенные, каменные духи!
Беспламенная мгла!

Зачем простер на тверди ослеплой
Свои огни
Разбитый дух—в разорванное тело,
В бессмысленные дни!

Зачем, за что в гнетущей, грозной гари,
В растущий гром
Мы—мертвенные, мертвенные твари—
Безжертвенно бредем?

1916. Москва.

АСЕ.

Уже бледней в восточных тенях
Слечей стекающих игра.
Ты, цепенея на коленях,
В неизреченном — до утра.

Теплом из сердца вырастаю,
Тобой, как солнцем облечен,
Тобою солнечно блистаю
В Тебе, перел Тобою — Он.

Ты — отдала небесным негам
Иной, безвременной песни:
Лазурью, пурпуром и светом
Твои черты осветлены.

Ты вся, как ландыш, легкий, чистый,
Улыбни милой луч разлит.
Смех бархатистый, смех лучистый
И — воздух розовый ланит.

О, да! никто не понимает,
Что выражает твой паря,
Что будет, тайно открывает
Твой брошенный, блаженный взгляд.

Любви неизреченной знание
Во влажных, ласковых глазах;
Весны безвременной сиянье
В алмазно-зреющих слезах.

Лазурным утром в свете тьмом
Живой алмазник зацветает;
Но для тебя в алмазе малом
Блестит алым солнцем — Он.

1916. Москва.

РОССИЯ.

Луна двурога.
Блестит ковыль.
Бела дорога.
Летает пыль.

Летая, стая
Ночных сычей—
Рыдает в дали
Пустых ночей.

Темнеют жерди
Сухих осин;
Немеют тверди...
Стою—один.

Здесь сонный лесной
Трясется в прах.
Здесь—кошный, нешний
Несется в снах.

Забота гложет:
Потерян путь.
Ничто не сможет
Его вернуть.

Болота ржавы:
Кусты, огни,
Густые травы,
Пустые шны!

1916. Москва.

ДЕКАБРЬ 1916 ГОДА.

Из душных туч, дмесь, зигзаг дубчатый
Своей грескучею стрелой,
Запламенясь, в разъятые Палаты
Ударил, как иглой.

Светясь, вясь, в морозный морок тая,
Бросает в небо пламена
Тысячецветным светом излитая,
Святая Купина.

Встань, возликуй, восторжествуй, Россия!
Грнь, как в набат. —
Народная, свободная стихия
Из града в град!

1916. Москва.

А. М. ПОЦЦО.

Глухой зимы глухие ураганы
Рыдали нам.

Вставали нам — моря, народы, страны...
Мелькали нам —

Бунтующее, дующее море
Пучиной злой,

Огромные, чудовищные зори
Над мерзлой мглой...

И сонная, бездонная стихия
Топила нас,

И темная, огромная Россия
Давила нас.

О, вспомни, брат: грома, глаголы, зовы,
И мор, и гвал.

О, вспомни ты: багровый и суровый
Пылает закат.

В глухие тьмы хладкоощие дни
Бросали мы.

В глухие тьмы братоубийства и брани
Рыдали мы.

И звали мы спасительные силы
Заветных слов...

И вот опять—медлительный и милый
Ответный зов.

1918. Москва.

СЛОВО,

В звучном жаре
Дыхавий —
Звучно-пламенна мгла:

Там, летя из гортани,
Духовест земля,

Выдыхаетея
Души
Неслагаемых слов —

Отдаются суши
Нас несущих миров,

Миром сложешным
Волит —
Сладких слов глубина,

И глубиною глаголет
Словом слов Кушша.

И грядущего
Рая —
Твердеет гряда.

Где пылан, сгорая,
Но пройду: никогда!

1917. Дедово.

К РОССИИ.

Россия — Ты?... Смеюсь и умираю,
И ясный взор ловлю...
Невероятная, Тебя — (и знаю) —
В невероятности люблю.

Опять и твои неизвестные муки
Слетает разум мой:
Пролетей свет в мои немые руки,
Глаголющие тьмой.

Как веющие, тающие маки,
Мелькающие мне, —
Как бабочки, сияющие знаки
Летят на грудь во мне.

Судьбой — (Собой) — ты чашу дней наполни
И чашу дней испей.
Волною молний душу превозноси,
Мечами глаз добей.

И — знаю все... И — ничего не знаю,
Люблю, люблю, люблю.
Со мною — Ты... Смеюсь и умираю.
И ясный взор ловлю.

АНТРОПОСОФИИ.

Над лихим лет,
Над тьмою туч
Ты—светлый свет
И—летний луч.

Как веющий ад
Неотразим!
И ясный взгляд
Невыразим!

Живой алмаз
Блестит из глаз:—
Алмазят даль,
Поит печаль.

Мой веющий свет,
Мой светлый цвет,—
Я полн Тобой,
Тобой—Судьбой.

1918.

АСЕ.

Те же — приречные мрежи,
Серые сосны и пни;
Те же песчанки; те же —
Сырые, тихие дни;

Те же немеют с отвеса
Крыши поникнувших хат;
Синие днии леса
Немо темнеют в дзвэгт.

А над немymi перелеском,
Где разредылись кусты,
Там проясляешься блеском
Неугасаемым — Ты!

Струями ярких рубинов
Жарко бежишь по крови:
Кроет крыло серафимов
Пламенно очи мои.

Бегом развернутых крылий
Стала крылатая крона:
Давние, давние были
Приоткрываются шпиль.

В давнем — грядущие встречи;
В будущем — давность мечты:
Неизреченные речи,
Неизъяснимая — Ты!

1946. Москва.

ДУХ

Я засыпал... (Стремительные мысли
Какими-то спиралями неслись;
Приоткрывалась в сонном смысле
Сознанию невяденная высь) —

И видел духа... Искрой он возник...
Как молния, неуловимый лик
И два крыла — сверлящие спирали —
Кровавым блеском разрывали дали.

Открылось мне: в законах точных чисел,
В бунтующей, мыслительной стихии —
Не я, не я — близнецы иерархии
Высокий свой запечатали смысл.

Звезда... Она — в неперемежном блеске...
Но бегает летучий луч звезды
Алмазами по зеркалу воды
И блестящие чертит арабски.

1914. Арестейя.

«Я».

В себе, — собой объятый
(Как мглой небытия), —
В себе самом разлитый,
Светлею систом «я».

В огромном темном мире
Моя рука растёт;
В бессолнечные шпирь
И солнечно простерт, —

И зрею, зрею доном
«Вонстину воскрес» —
В просвете бирюзовом
Исплоющих небес.

Березы в вешнем лесе,
Россы в серебре, —
Провели «воскресе»
На розовой заре...

«Я» — это Ты, Грядущий
На дней во мне — во мне —
В раскинутые куши
Над «Ты Еси на не-бе-си!»

1917. Дедино.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Мы—ослепленные, пока в душе не вскроем
Иных миров знаемое зерно.

В моей груди отражено оно.

И вот—зажгло знакомым, грозным дном.

И всыхнула, и осветилась мгла.

Все вспомнилось—не поднялось вопроса:

В какие-то киващие колеса

Душа моя, расплавясь, протекла.

1914. Арестейм.

СЕСТРЕ.

Антропософия.

Слышу вновь Твой голос голубой,
До Тебя душой не достигая:
Как светло, как хорошо с тобой,
Ласковая, милая, благая.

Веют мне родные глубины
Лепестками персиков цвета,
Благовоиным воздухом весны,
Пряными роскошествами лета.

1918. Москва.

ТЕЛО СТИХИИ.

В ленестве лазурено-лилейном
Мир чудесен.
Все чудесно в феином, пейном, змеином
Мире песен.

Мы — повисли,
Как над пенной бедною ручей
Льются мысли
Блесками летающих лучей.

1916. Москва.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЗГЛЯД

Т а и л а.

Медовый цветик сада
Шлет цветику свой стих...
Две пчелки вылетают
Из венчиков: два взгляда
Перекрестились в них.

1918. Москва.

БРЫЛАТАЯ ДУША.

Г л и к а.

Твоих очей голубица
Мне в душу ветерком нахнула.
Тобой душа озарена...
Вот вешним щебетом она
В голубизну перепорхнула.

1918. Москва.

ВОДА.

Т а к о.

А вода? Миг—ясна...

Миг—врути, рибки: рыбка..

Так и мысль!.. Вот—она...

Но она—глубина,

Заходящая дыбка.

1916. Дорнах.

ЖИЗНЬ.

Тяжка.

Над травой мотылек—

Самолетный цветок...

Так и я: в ветер—смерть—

Над собой—мотыльком—

Пролечу стебельком.

1916. Дорпат.

ЛАЗУРИ.

Г а в к а.

Светлы, легки лазури.

Они—черныя, без дня;

Там—мировые бури.

Так жизни тишина:

Она, как ночь, черна.

1946. Дорнах.

АСЕ.

(а-о).

Снегован блистает роса;
Налила серебра на дуга;
Жемчугами дрожат берега;
В светлогливых алмазах роса.

Мы с тобой—над волной голубой,
Над волной—берегов перелбой;
И червонное солнца кольцо:
И—твое огневое лицо.

1913. Христианин.

УТРО.

(и-е-а о у).

Над долиной мунистой и выси синей
Чистый-чистый серебристый шей.

Над долиной,—как разливы линий,
Как разливы лебединых крылий.

Зеленеют земли перелеском,
Снежный месля бледным, летним блеском,—

В пещном небе нехота юнеет,
Хрусталея, небо зеленеет.

Вставших глаз блистающая стая
Остывает, в дали улетая...

Синева почная,—там, над нами,
Синева почная давит снами!

Молниями, как золотом в болото
Бросит очи огненные кто-то.

Золотом хохочущие очи!
Молотом грохочущие ночи!

Заликует,— все из перламутра
Бурное, лазурное утро:

Потекут в излучине летучей
Пуриуром предутренние тучи,

1917. Сергиев Посад.

АСЕ.

(При прощании с ней).

Лазурь бледна: глядится в тень
Громады каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные нити.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг,—
Не осуди мое молчанье;
В нем—грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

1916, Дарнах.

АСЕ.

Опять—золотеющий волос,
Ласкающий взор голубой;
Опять—улыбающийся голос;
Опять и: и—Твой, и—с Тобой.

Опять бирюзовые панно
В бездневно зареющем сне;
Приди же, моя королева,—
Моя королева: ко мне!

Плывут бирюзовые волны
На вьющем ветре весны:
Я—этими волнами палый,
Одетая светами—Ты!

1916. Москва.

«Я» И «Ты»,

Говорят, что «я» и «ты» —
Мы телами столкнуты.

Теплеет красный ком
Кровопарным облаком.

Мы — над взмахами косы
Виснувшие хаосы.

Нет, неправда! гладь тиха
Розового воздуха, —

Где устал громный век
В легкой левит ласточек, —

Где записась, «я» и «ты» —
Светлых светов иконы, —

Где и тела красный ком
Духовнеет облаком.

1918. Москва.

АНТРОПОСОФИИ.

Твой ясный взгляд, в нем и себя люблю, —
В нем необъемлемое вновь объемлю:
Себя, отображенного — люблю,
Себя, отображенного — приемлю.

Твой ясный взгляд: с ним утопаю я,
Исполненный покоя и блаженства, —
В огромные просторы бытия,
В огромные просторы совершенства.

Нае солзетает солнечная мощь,
Исполненная солнечными снами...
И наши души, как весенний дождь,
Оборвались слезами между нами.

Горенье, ненье, озаренье глаз
Пучинами мерцающими молний, —
Горенье, ненье, озаренье глаз: —
Все — ярче, ослепительней, огромней.

И «ты» и «я» — переживший сон,
Расширивший в невыразимом свете...
Мы встретились — за гранями времен
Счастливые, облаканные дети...

1918 Москва.

ЗОВ.

Сиволь фабричных гулков
Сумасшедшие ревы,
Мы в тиши городов
Слышим тихие зовы.

Исполняется час:
И—восходит в тумане,
Как прозрачный алмаз,
Все из ярких брызганий,—

Снеговое лицо
На огнистом давате,
Замыкая кольцо
Славословящих братий.

Исполняйте, вы,—дни.
Распадайтесь, вы,—храмы.
Наши песни—огни,
Облака—финямы.

1914. Ардестеви.

РОДИНЕ.

В години прадных испытаний,
В години мертвой суеты —
Затвердевшей алмазом брони
В перегоревших углях — Ты.

Восстань в сердцах, сердца исполни!
Пронзающей наш край родной
Неопалимой блеском молнии,
Неодолимой куньей.

Из моря слез, из моря муки
Судьба твоя — видна, неслышна:
Ты простираешь и высь, как руки,
Сари святые пламена —

Туда, — в развалы грозной зры,
И в вихри космических стихий, —
Туда, — в светлеющие сферы,
В грома летящих перархий.

1916. Москва.

ИНСПИРАЦИЯ.

В поле
Золотистого
Хлеба

Попрехнему ветер бежит.

Попрехнему
Нежное
Небо

Над зорями грустно горит.

В безмирье,
Синие
Зыби

Лети, литургия моя!

В земле—
Упадающей
Глыбе—

О, небо, провижу тебя...

Алмазами
Душу
Наполни,

Родной старинной дыша:—

Из светочей,
Блесков,
И молний,—
Сотканная,—плачет душа.

Все—вспомнилось: прежним приветом
Слетает
В невольный
Мой стих—

Архангел, вловочущий светом,—
На солнечных
Брыльях
Своих.

1914. Архангельск.

АНТРОПОСОФАМ.

(С любовью и благодарностью М. В. Себастьяновой).

Мы излетаем в мирах нераздельный прах,
Угрожаем обвалами дремлющих лет;
В просиявших мирах, в набезжавших мирах
Мы—летающая стая хвостатых комет.

Пролетаем в воздушно-излученный круг:
Засветясь, закрутясь, заплетаемся в нем,—
Лебединый, родимый, ликующий звук
Дуновеньем души лебединой пойдем.

Завиваем из дали сиврали планет;
Прошущаем туманы судьбы и годы;
Мы—серебряный, дреющий, веющий свет
Среди синих, любимых, таинных глубин.

1918. Москва.

МЛАДЕНЦУ.

Играй, безумное дитя,
Блестай летающей стихией:
Вольнолюбивым светом «Я»,
Янсь, осуществишь,—Россию.

Ждем: гробовая пелена
Падет мелькающими мглами;
Уже Небесная Жена
Нежной звездает глубинами,—

И, оперлась из весны,
В лазури льются иерархии;
Из легких крыльев лик Жены
Смеется радостной России.

1918. Москва.

РОДИНЕ.

Рылай, буревая стихия,
В столбах громового огня!
Россия, Россия, Россия—
Будумствуй, слагая меня!

В твои роковые разрухи,
В глухие твои глубины,—
Струит крыльоружие души
Свои светозарные силы.

Не плачьте: склоните колени
Туда—и ураганы огней,
В гроза серафических пений,
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,
Моря неизливные слез—
Лучом безглазого изора
Согреет сошедший Христос.

Пусть в небе—и кольца Сатурна,
И масляных путей серебро,—
Книги фосфорически бурно
Земли огневое ядро!

И ты, огневая стихия,
Бездумствуй, сжигаю меня,
Россия, Россия, Россия —
Мессия грядущего дня!

1917. Поворова.

ГОЛУБЬ.

Вестью овеяны
Души прострем —
В светом содеянный
Радостный гром.

В неописуемый,
В огненный год, —
Духом взываемый
Голубь сойдет.

1918. Москва.

ЧАША ВРЕМЕН.

Открылось!

Весть вежнина!

Удар — молниеносный!

Разорванный, врывающийся, блистающий покров:

В грядущие,

Громозкие

Блещающие весны,

Как в радуги прозрачные, спускается — Христос.

И голос

Поднимается

Из огненного облака:

«Вот чаша благодатная, исполненная дней!»

И осенние

Голуби

Из огненного воздуха

Раскидывают светочи, как два крыла над ней.

1944. Архестейн.

АНТРОПОСОФИИ.

Из родников проговорившей ночи
В моем окне
Нежданные, мерцающие очи
Восходят мне.

Блещет луч из звездной рукояти,
Как резвый меч;
Мой бедный ум к ногам смущенных братьев
Слетает с плеч.

И—обезглавлен в набегавшем свете
Лучистых глаз,
Меж нами—Он, Неузнанный и Третий:
Не бойтесь нас.

Мы—вспыхнули, но для земли—погасли,
Мы—тихий стих.
Мы—образуем солнечные ясли,
Младенцу—в них.

Слепую мглу бунтующей стихии
Преобрази.
И не боюсь: влекут Христософии
Твой стези.

Ты снилась мне, светясь... когда-то, где-то...
Сестра моя!

Люблю Тебя: Ты—персикова цвета
Цвостудная дара.

Как вешний вихрь гласит неумолимо—
Гласит в голубизне—
Твои слова, пронесшиеся мимо,
Но сказанные мне.

В свои глаза—слезонные синероды
Меня возьми;
Минувшие, глаголющие годы
Мои уйми.

В Твоих глазах блистают: вода, сунни;
Бросаюсь в них;
Из глаз Твоих я просияю в души,
Как тихий стих.

И сердце—обезумевшая птица—
В немой молитве
Пусть из груди—разорванной темницы—
Летит к Тебе.

Мы—всыхнувшие, всыхнувшие дети—
В неслышимый час;
Меж нами—Он, Неузнавший и Третий;
Не бойтесь нас!

ХРИСТИАНУ МОРГЕНШТЕРНУ.

Auto y — Wir fanden einen Pfad.

От Ницше—Ты, от Соловьева—Я;
Мы в Штейнере перекрестились оба...
Ты—весь живой, звездною бытия
Мерцаешь мне из... кубового гроба.

Свергается стремительно звезда,
Сверкая в ослепительном убранстве:—
За ней в обетованьи прав,—туда—
Пустынями сорокалетних странствий!

Расплавлены карбушкуз и савоир
Под лопнувшей трубою телескопа...
Тысячерылый, огнескрытый мир!
Под ним—исчезнувшая Европа!..

Взлетаем над обманами песков,
Близтаем над туманами пустыни...
Антропософия, Владимир Соловьев
И Фридрих Ницше—связаны: отныне!..

От Ницше—Ты, от Соловьева—Я;
Отныне будем в космосе безмерном:
Ты периодичным светом бытия,
И—большим «Христианом Моргенштерном».

1918. Москва.

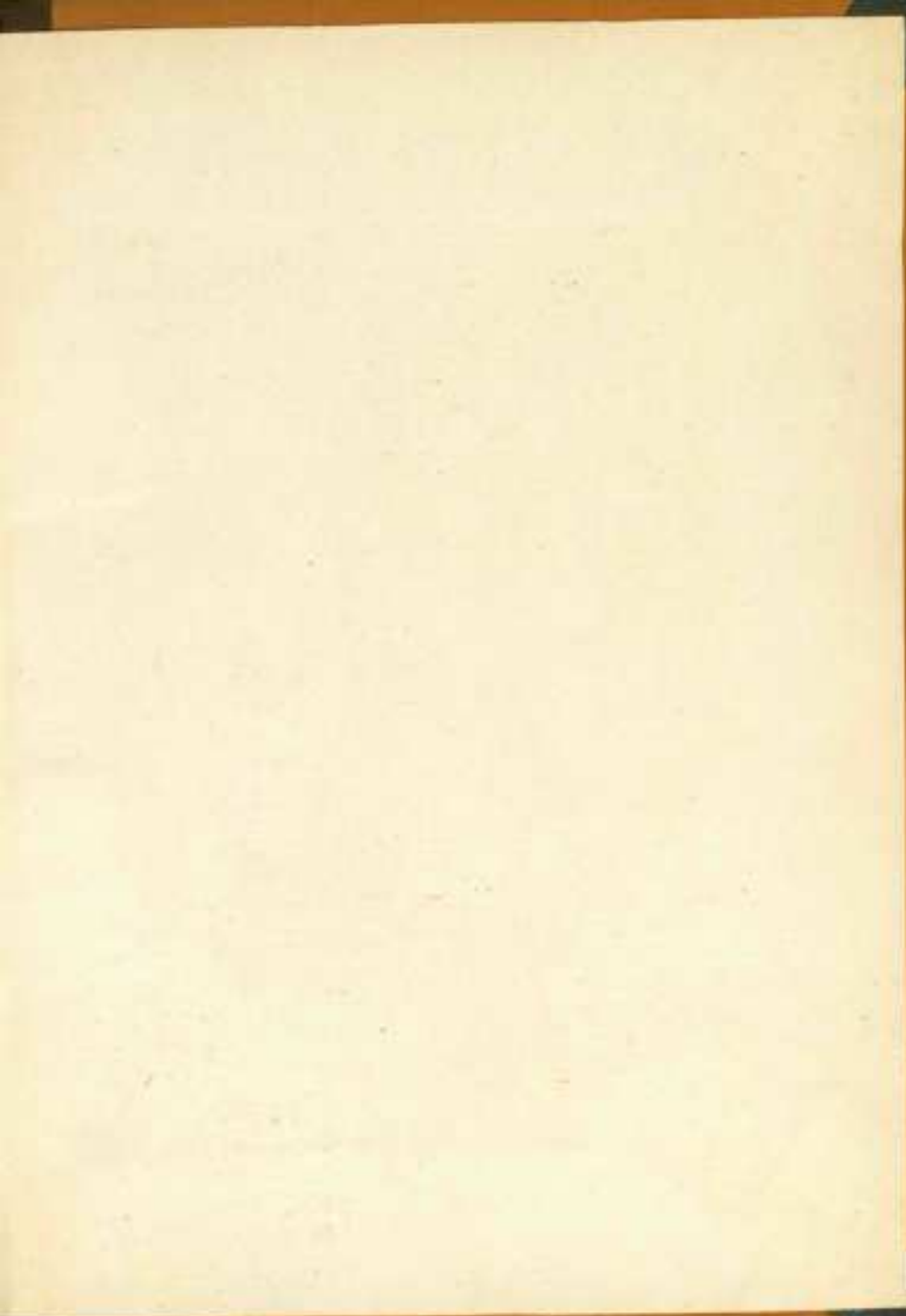
СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНА
Христиану Марселинскому	5
Звезда	7
Самосознание	8
Карна	10
Современности	14
Война	16
А. М. Поццо	17
А. М. Поццо	18
Асс	19
Рималы	20
Висеславу Пиванову	21
Асс	23
Шутка	24
Тела	27
Асс	28
Россия	30
Декабрь 1916 года	32
А. М. Поццо	33
Слово	35
В России	37
Антропософия	38
Асс	39
Дух	41
«Да»	42

Воспоминание	43
Сестры	44
Теле стухни	45
Танки. Встречный взгляд	46
Крылатая душа	47
Вода	48
Жизнь	49
Алсури	50
Асе	51
Утро	52
Асе	54
Асе	55
И п т я	56
Антропософия	57
Зав	58
Родина	59
Виспирация	60
Антропософия	62
Младенцу	63
Родина	64
Голубь	66
Чаша времени	67
Антропософия	68
Христиану Моресинтеру	70

Цена 50 коп.

3000 164

Л30 $\frac{B-4}{35}$